УДК 159.97+616.89

ПРОЯВЛЕНИЯ КОЛЛЕКТИВИЗМА-ИНДИВИДУАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ДЕПРЕССИИ

***Татьяна Г. Бохан*[1, @1, *], *Ольга В. Терехина*[1, @2, *], *Николай А. Бохан*[2, @3, *], *Алексей В. Немцев*[1, *], *Оксана Н. Галажинская*[1, *], *Урсула В. Танабасова*[1, @4, *]**

[1] *Национальный исследовательский Томский государственный университет,* Россия, 634050, г. Томск, пр-т Ленина, 34а
[2] *Научно-исследовательский институт психического здоровья,* Россия, 634014, г. Томск, ул. Алеутская, 4
@1 *btg960@sibmail.com*
@2 *doterekhina@mail.ru*
@3 *redo@mail.tomsknet.ru*
@4 *u.tanabasova@mail.ru*

Поступила в редакцию 07.06.2016.
Принята к печати 07.09.2016.

Ключевые слова: культуральная психопатология, депрессия, психосоциальная модель, культурная валидизация, коллективизм-индивидуализм, традиционные народы Сибири, психо-социальные факторы.

Аннотация: В статье показано, что проблема гипо- и гипердиагностики депрессии связана с различиями в ее проявлениях у представителей разных стран, а также этнических меньшинств, проживающих в одной и той же стране. В связи с этим возникает проблема культурной валидизации симптомов депрессии. Ценности коллективизма-индивидуализма как одно из измерений культур, определяющих их различия, связывают с возможностями формирования психопатологии. В статье представлены результаты исследования особенностей проявления коллективизма-индивидуализма у респондентов этнических групп Сибири в контексте изучения проблемы факторов депрессии. Был использован опросник «Шкалы индивидуализма-коллективизма» (Г. Триандис). В исследовании принимали участие представители этнических групп Сибири. В результате установлено, что проявления коллективизма-индивидуализма различным образом представлены в группах по этническому и нозологическому критериям; отмечается предпочтение ценностей коллективизма в группах «Алтайцев» и «Якутов», в остальных группах не выявлена выраженная ориентация на полюсы коллективизма-индивидуализма; вне зависимости от этнической принадлежности респонденты с проявлениями симптомов депрессии более ориентированы на взаимную зависимость людей друг от друга и по соотношению выраженности ценностей коллективизма-индивидуализма характеризуются тремя типами; респонденты без симптомов депрессии по критерию коллективизма-индивидуализма характеризуются двумя типами.

[*] *Исследование поддержано грантом РГНФ № 14-06-00113 «Влияние культуры на субъективное переживание депрессии и экспрессию ее признаков (на примере представителей народов Сибири)».*

Для цитирования: Бохан Т. Г., Терехина О. В., Бохан Н. А., Немцев А. В., Галажинская О. Н., Танабасова У. В. Проявления коллективизма-индивидуализма в контексте проблемы этнокультуральных факторов депрессии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4. С. 126 – 133. DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-126-133.

Проблема депрессии в связи с распространенностью среди населения во всем мире и мультифакторностью своей этиологии стала предметом междисциплинарных исследований. Мировые тенденции свидетельствуют о необходимости и значимости *этноцентризма* – тенденции воспринимать реальность с позиции индивидуального опыта. Исследования, выполненные в рамках культуральной психопатологии (cultural psychopathology), новой области научных знаний, изучающей взаимовлияние культуры и психопатологии, показали отличия в распространенности депрессии в разных странах или среди представителей различных этнических меньшинств, проживающих в одной и той же стране [7]. Результаты многочисленных эмпирических исследований, проводимых в последнее время в рамках методологии культуральной психопатологии, ставят под сомнение валидность биомедицинской модели депрессии и рекомендуют не забывать о позитивном вкладе психосоциальной модели, которая более успешно, чем биомедицинская объясняет стереотипы предъявления соматических жалоб, варианты определения плохого настроения в различных культурах, уникальные идиомы, описывающие настроение и признаки дистресса [19]. Формирование психопатологии в психосоциальной модели психопатологии связывают с типичными поведенческими ответами на физические и психологические стрессоры, предпочитаемыми копинг-стратегиями, представлениями о самом себе и окружающем мире, основными мотивациями, структурой ценностей [15].

Исследователи вводят такие измерения культур, которые позволяют акцентировать существующие в них различия, в том числе связанные с ценностями и социальными установками, например, такие как индивидуализм – коллективизм, взаимозависимость – независи-

мость, проницаемость – плотность групповых границ и т. д. [7; 18; 19]. Marsella [21 – 22] предполагает, что одним из наиболее значимых факторов, влияющих на переживание депрессии, является культурально-обусловленная концепция личности. На одном полюсе континуума, по его мнению, располагаются культуры с индивидуалистической репрезентацией личности, оперирующие абстрактными понятиями и лексическими моделями, четко отражающими реальность. В таких культурах индивидуум, обладающий «объективными знаниями о реальности», предъявляет аффективные, экзистенциальные, когнитивные и соматические симптомы депрессии, переживает чувство изоляции и отдаленности. Западные культуры высоко ценят индивидуальность и ответственность и зачастую связывают депрессивные признаки с потерей контроля над происходящим, беспомощностью и бессилием. На другом полюсе континуума представлены культуры с неиндивидуалистической структурой личности, образно переживающем реальность. Представители этих культур обладают «субъективными знаниями о реальности» и зачастую переживают депрессию через призму соматических симптомов и межличностных взаимодействий, то есть через *«симптоматический фонд»*, включающий набор наиболее приемлемых для сообщества признаков предъявления серьезного дистресса. Например, некоторые азиатские культуры (китайская, японская, корейская) уделяют особое внимание личностной субординации, взаимодействию с другими и гораздо меньшее значение придают потери контроля над происходящим вне границ собственной личности [23]. Поэтому ощущение собственной беспомощности не предъявляется как симптом депрессии [23].

«Индивидуализм-коллективизм» выделяется теоретиками разных дисциплин (Г. Хофстеде, Х. Маркус, С. Китаяма, К. Канджицибаси, Г. Триандис) как одно из главных измерений культур [13; 14; 20; 24].

Таблица 1. **Характеристики ценностей индивидуалистической и коллективистской культур**
Table 1. **Characteristics of values of individualist and collectivist cultures**

Индивидуалистическая культура	***Коллективистская культура***
Индивидуальные цели ее членов не менее (если не более) важны, чем групповые	Групповые цели превалируют над индивидуальными
Поведение определяется ее мотивацией к достижению	Поведение определяется принадлежностью к группе
Ценность «Я могу делать то, что мне надо»	Ценность «Я не являюсь обузой для своей группы»
Поведение объясняется личностными особенностями и установками самого индивида	Поведение людей трактуется с позиций норм, принятых в данной культуре
Успех приписывается способностям личности	Успех приписывается помощи других людей, богатству и т. д.
Неудача – результат неблагоприятного стечения обстоятельств	Неудача – следствие лени
Человек стремится изменить ситуацию «в свою пользу»	Человек чаще сам приспосабливается к ситуации, чем меняет ситуацию «под себя»
Склонность знать (и говорить) о себе, чем о других	Склонность знать (и рассказывать) больше о других, чем о себе

В каждой культуре люди имеют как индивидуалистические, так и коллективистские тенденции сознания и поведения. Помимо этого современные исследователи [24] разделяют коллективизм и индивидуализм на два типа: горизонтальный (характеризует взаимную зависимость/независимость людей друг от друга) и вертикальный (означает служение-направленность индивида группе/себе).

К недостаткам коллективизма относят: авторитаризм и давление на личность (например, детей часто заставляют выбирать не то, что нравится им самим, а то, что нравится родителям); высокая вероятность установления автократических режимов; низкая ценность отдельной человеческой личности и даже человеческой жизни. Недостатками индивидуализма являются одиночество, семейные конфликты, разводы. Свобода приводит к отчуждению, детской преступности, наркотикам. Моральные авторитеты отсутствуют, и все держится на законах. Возрастает риск сердечно-сосудистых заболеваний. Исследования показали, что высокая ценность и ожидание богатства негативно коррелируют с успехом и благосостоянием. Оказалось, что поведенческие нарушения и преступления выше среди «материалистов» [12; 14; 16]. С высоким стремлением к власти, желанием контролировать, подавлять других (комплекс мотивов, свойственных индивидуалистическим культурам) связан высокий уровень дистрессов.

В то же время исследователями показано, что со временем общества и культуры претерпевают значительные изменения. Например, в обществе с коллективисткой культурой возникают новые тенденции, ориентированные на индивидуалистические ценности [5]. Такие трансформации могут сопровождаться ценностными конфликтами, трудности разрешения которых, по мнению многих исследователей, приводят к формированию разного рода психических и психосоматических расстройств [9 – 10].

В связи с культуральными различиями возникает проблема культурной валидизации симптомов депрессии. На актуальность ее разработки указывает проблема гиподиагностики депрессии в культурах национальных меньшинств. При этом одной из причин называется «западная» модель болезни, не всегда подходящая для представителей других культур [7; 19; 23]. В западной культуре и в странах, активно адаптирующих универсальный понятийный аппарат идентификации депрессии, отмеча-

ется иная тенденция. Исследование, проведенное в госпиталях первичной медицинской сети (Таррагона, Испания), четко вывило, что каждому шестому пациенту без признаков депрессии был выставлен диагноз и назначен антидепрессант [11]. Результаты проведенного исследования доказали различия в депрессивных переживаниях у представителей разных этнических групп, проживающих в одном государстве [17]. При этом исследователи замечают, что в мультикультурных сообществах возникает проблема существования в двух мирах – в одном, общем для всех членов сообщества, и в другом, разделяемом только представителями своего культурного круга. Свободный переход из одного культурного поля в другой обеспечивает приемлемый уровень адаптации как в рамках общего – широкого поля с проницаемыми границами, так и плотно ограниченного – (условно «узкого») пространства традиций и ритуалов [17].

Россия по числу традиционных народов занимает одно из первых мест в мире, однако, обращения к анализу культуральных социально-психологических факторов и механизмов формирования психопатологии не многочисленны в медицине, а в клинической психологии – единичны. Исследований кросс-культурального характера, которые подтвердили бы эти различия на эмпирическом уровне, в России проводилось крайне мало [1 – 4]. Что касается Сибирского федерального округа с его населенностью традиционными народами Сибири, то объективация проблемы культуральной обусловленности депрессии у представителей этнических групп Сибири связана с тем, что у них отмечается «пограничное» состояние между уже размытой, но еще не вполне разрушенной традиционностью, с одной стороны, и ускоренной модернизацией, с другой [6]. Возникающий психологический «разрыв» ценностного мира, присущего этим культурам, проявляется в формировании системы этнопсихологических свойств, способных, по словам А. Р. Лурия, отражать внешнюю действительность, мир социальных отношений и в конечном счете свой собственный внутренний мир, сформированный в отношениях к объектам этнического мира и этническим субъектам [8].

Цель исследования: выявить особенности проявления коллективизма-индивидуализма у респондентов этнических групп Сибири в контексте изучения проблемы факторов депрессии. Методы исследования: психодиагностический опросник «Шкалы индивидуализма-коллективизма» (Г.Триандис) [24]; методы статистистической обработки: описательная статистика, критерий Краскела-Уоллиса, критерий Манна-Уитни. Опросник «Шкалы индивидуализма-коллективизма» содержит 32 утверждения, которые позволяют получить представления о выраженности проявлений горизонтального и вертикального индивидуализма и горизонтального и вертикального коллективизма. Выраженность оценивается по сумме баллов, оценивающих степень согласия респондентов с предложенными утверждениями. Каждая шкала представлена восемью утверждениями.

Результаты. Согласно литературным данным, Восточная культура, к которой принадлежат исследуемые этнические группы, рассматривается как коллективистская культура. Исследовательская задача предполагала выявить выраженность коллективистских и индивидуалистических ценностей у респондентов. Результаты описательной статистики (таблица 2), представленные средними значениями показателей шкал, всех групп указывают на не однозначную выраженность проявлений коллективизма-индивидуализма у респондентов – средние показатели шкал соответствуют континууму от «нейтрально» до «слегка согласен», исключение составляют средние значения вертикального коллективизма в группах «Алтайцы» и «Якуы», которые находятся в пределе «очень согласен». В группе «Алтайцы» результаты описательной статистики указывают, что у респондентов более выражены показатели вертикального и горизонтального коллективизма по сравнению с показателями индивидуализма. В меньшей степени выражено среднее значение вертикального индивидуализма. В группах «Якуты» и «Тувинцы» отмечается также выраженность показателей коллективизма, по сравнению с индивидуализмом.

Таблица 2. **Средние значения показателей коллективизма-индивидуализма в этнических группах**
Table 2. **Avarage indicator values of collectivism-individualism in ethnic groups**

	Алтайцы	***Ительмены. Чукчи***	***Коряки***	***Тувинцы***	***Якуты***
Горизонтальный индивидуализм	37,09 ± 1,23	37,40 ± 0,98	32,10 ± 0, 69	36,80 ± 1,67	30,64 ± 1,15
Вертикальный индивидуализм	29,29 ± 1,32	33,84 ± 1,23	32,28 ± 0, 63	34,45 ± 1,64	29,52 ± 1,16
Горизонтальный коллективизм	42,70 ± 1,14	31,59 ± 1.16	31,15 ± 0, 98	38,85 ± 1,61	37,88 ± 1,19
Вертикальный коллективизм	42,07 ± 1,25	33,44 ± 1,98	32,60 ± 1, 61	38,30 ± 1,61	41,76 ± 1,23

В группе «Ительмены. Чукчи» самый высокий показатель среднего значения приходится на горизонтальный индивидуализм, самый низкий – на горизонтальный коллективизм. Что касается средних значений вертикального индивидуализма и вертикального коллективизма, то они примерно идентичны. В группе «Коряки» – примерно равная выраженность средних значений индивидуализма, не значительно выше среднее значение вертикального коллективизма, самое низкое среднее значение приходится на горизонтальный коллективизм.

На основании средних значений баллов оценки утверждений опросника выявлены наиболее выраженные

(то есть те, которым присваивалось более 5 баллов) проявления индивидуализма-коллективизма. В группе «Алтайцев» такими оказались традиционные для этнокультуры ценности, которые относятся к горизонтальному коллективизму: «Если родственники окажутся в затруднительном финансовом положении, я помогу им своими средствами насколько смогу», «Важно поддерживать гармонию в отношениях с коллективом», «Мне нравится делиться с соседями», «Если сотрудник получает приз, я буду радоваться этому и гордиться им». Среди наиболее выраженных проявлений вертикального коллективизма – «Я сделал бы что-то ради моей семьи, даже если бы мне не нравилось это дело», «Детей нужно учить ставить долг выше удовольствий», «Наши стареющие родители должны жить с нами», «Дети должны чувствовать гордость, если их родители получают важную награду». В то же время многие респонденты полностью согласны с такими проявлениями горизонтального индивидуализма, как: «Нужно жить своей жизнью независимо от других», «Я предпочитаю быть прямым и откровенным при обсуждении вопросов».

В группе «Якуты» наиболее выраженными традиционными установками, с которыми согласны респонденты, остаются те, которые относятся к вертикальному и горизонтальному коллективизму. Среди установок вертикального коллективизма – «Я сделал бы что-то ради моей семьи, даже если бы мне не нравилось это дело», «Я терпеть не могу разногласий с людьми в моем коллективе», «Наши стареющие родители должны жить с нами». Горизонтальный коллективизм у многих проявляется в следующем: «Если сотрудник получает приз, я буду радоваться этому и гордиться им», «Важно поддерживать гармонию в отношениях с коллективом».

В группе Тувинцев среди проявлений вертикального коллективизма, с которыми согласны многие респонденты: «Я сделал бы что-то ради моей семьи, даже если бы мне не нравилось это дело», «Прежде чем принимать решения на счет поездок, я консультируюсь с большинством членов моей семьи и моими друзьями», «Наши стареющие родители должны жить с нами», «Дети должны чувствовать гордость, если их родители получают важную награду». Горизонтальный коллективизм представлен следующими вариантами: «Если сотрудник получает приз, я буду радоваться этому и гордиться им», «Если родственники окажутся в затруднительном финансовом положении, я помогу им своими средствами насколько смогу», «Важно поддерживать гармонию в отношениях с коллективом». Наряду с ценностями коллективизма, более высокие баллы имеют те, которые относят к горизонтальному индивидуализму – это «Нужно жить своей жизнью независимо от других», «Я предпочитаю быть прямым и откровенным при обсуждении вопросов», а также к вертикальному индивидуализму – «Для меня важно выполнять свою работу лучше, чем другие», при этом многие из респондентов не «любят подчеркивать свои победы».

Для респондентов групп «Коряки» и «Ительмены. Чукчи» средние значения показателей коллективизма-индивидуализма в оценке утверждений не превышают 5 баллов, то есть находятся в диапазоне оценки «нейтрально». Так, многие респонденты группы «Коряки» выражают определенную степень своего согласия (в диапазоне от 4,7 до 4,9) с такими проявлениями горизонтального коллективизма, как «Важно поддерживать гармонию в отношениях с коллективом», вертикального коллективизма – «Дети должны чувствовать гордость, если их родители получают важную награду», горизонтального индивидуализма – «Я предпочитаю быть прямым и откровенным при обсуждении вопросов», вертикального индивидуализма – «Когда другой человек добивается большего, чем я, я раздражаюсь и напрягаюсь». В группе «Ительмены. Чукчи» многие респонденты выразили свое согласие (в диапазононе 4,7 – 4,9) с установками горизонтального индивидуализма – «Я предпочитаю быть прямым и откровенным при обсуждении вопросов», «Когда мне что-то удается, как правило, это из-за моих способностей», «Мне нравится по-разному быть уникальным и не похожим на других», а также вертикального индивидуализма – «Когда другой человек добивается большего, чем я, я раздражаюсь и напрягаюсь», «Некоторые люди любят подчеркивать свои победы, я не являюсь одним из них».

Выявление статистически значимых различий с помощью критерия Краскела-Уоллиса показало, что различия существуют между группами по всем шкалам коллективизма-индивидуализма. Для попарного сравнения был использован критерий Манна-Уитни. В результате по характеристикам коллективизма по сравнению с характеристиками индивидуализма выявлено больше значимых различий между группами. Проявления горизонтального коллективизма значимо более выражены в группах «Алтайцев» ($U = 307{,}500$, $p = 0{,}00$), «Якутов» ($U = 373{,}000$, $p = 0{,}020$), «Тувинцев» ($U = 368{,}500$, $p = 0{,}002$), чем у «Коряков», а также в группах «Алтайцев» ($U = 163{,}500$, $p = 0{,}000$), «Якутов» ($U = 294{,}00$, $p = 0{,}010$), «Тувинцев» ($U = 297{,}000$, $p = 0{,}001$), чем в группе «Ительмены. Чукчи». Показатель горизонтального коллективизма в клинической группе «Русских» значимо выше, чем в группах «Коряки» ($U = 441{,}50$, $p = 0{,}000$) и «Ительмены. Чукчи» ($U = 775$, $p = 0{,}000$).

Показатели вертикального коллективизма значимо более выражены в группах «Алтайцев» ($U = 448{,}500$, $p = 0{,}000$), «Якутов» ($U = 207{,}500$, $p = 0{,}000$), «Тувинцев» ($U = 374{,}0$, $p = 0{,}015$), чем в группе «Ительмены. Чукчи». Значимо выше данный показатель в группах «Алтайцы» ($U = 536{,}000$, $p = 0{,}000$), «Якуты» ($U = 272{,}000$ $p = 0{,}001$), «Тувинцы» ($U = 438{,}000$, $p = 0{,}013$), чем он выражен у респондентов группы «Коряки». Таким образом, вертикальный коллективизм меньше выражен у представителей «Коряк» и «Ительменов. Чукчей».

Показатель горизонтального индивидуализма значимо ниже в группе «Якутов», чем у «Алтайцев» ($U = 223{,}000$, $p = 0{,}032$), «Тувинцев» ($U = 104{,}500$, $p = 0{,}046$), «Ительменов. Чукчей» ($U = 245$, $p = 0{,}001$), «Русских» ($U = 364$, $p = 0{,}010$). Показатель горизонтального индивидуализма значимо ниже у «Коряков» ($U = 1189$, $p = 0{,}012$), чем у «Алтайцев» и «Ительменов. Чукчей» ($U = 1057{,}5$, $p = 0{,}000$), однако, вертикальный индивидуализм значимо выше проявляется в группе «Ительменов. Чукчей», чем у «Коряков» ($U = 834{,}5$, $p = 0{,}008$) и «Алтайцев» ($U = 1063$, $p = 0{,}030$).

Обсуждение. На основании описательной статистики и сравнительного анализа можно отметить, что проявления коллективизма более выражены в группах «Алтай-

цев» и «Якутов». В остальных группах результаты не позволяют определить явные предпочтения, так как проявления как индивидуализма, так и коллективизма многие респонденты оценивают у себя нейтрально либо слегка согласны с ними. Однако, следует отметить, что все национальные группы, включая «Русских», которые были отнесены к клиническим группам, различаются по горизонтальному коллективизму с группами «Ительмены. Чукчи» и «Коряки», которые к клиническим группам не относятся. То есть вне зависимости от этнической принадлежности респонденты с проявлениями симптомов депрессии более ориентированы на взаимную зависимость людей друг от друга. Что касается вертикального коллективизма, то различия установлены только между этническими группами, где данный показатель значимо менее выражен у «Коряк» и «Ительменов. Чукчей». На основании этих данных можно предположить, что для представителей «Алтайцев» и «Якутов», а также «Тувинцев» служение и подчинение групповым ценностям остается более значимым. Такой зависимости не отмечается в группах «Коряков» и «Ительменов. Чукчей». Выявленный факт, возможно, объясняется тем, что этнические представители Камчатского края более тесно проживают на единой территории (село, район) и более интегрированы в процессе своей жизнедеятельности в межэтническое взаимодействие. Алтайцы и якуты имеют свою республиканскую и территориальную автономию, что поддерживает и усиливает их этническое самосознание, ориентируя на групповые ценности.

Меньше различий между группами выявлено по шкалам индивидуализма. Установлено, что проявления горизонтального индивидуализма в меньшей степени характерны для «Якутов», чем для респондентов всех других этнических групп. Можно предположить, что представители «Якутов» в меньшей мере, по сравнению со всеми другими группами, стремятся быть самостоятельными в жизни, открыто заявлять свою позицию при обсуждении вопросов. Представители «Алтайцев» и «Ительменов. Чукчей», по сравнению с «Коряками», более выражают свою готовность к самостоятельности. При этом «Ительмены. Чукчи» более стремятся к самоутверждению, по сравнению с респондентами групп «Алтайцы» и «Коряки». Несмотря на общий показатель горизонтального индивидуализма, который не значительно выражен у представителей «Алтайцев», у многих из них отмечается тенденция роста индивидуализма, проявляющаяся в стремлениях жить своей жизнью независимо от других, быть прямыми и откровенными при обсуждении вопросов. При этом у многих из них сохраняется значимость традиционных ценностей, связанных с горизонтальным и вертикальным коллективизмом. Что касается группы «Тувинцев», то можно отметить, что наряду с несколько более выраженными, по сравнению с индивидуалистическими, ориентациями на коллективистские ценности отмечается тенденция, что значимыми для многих становятся ценности, связанные с самостоятельностью, независимостью, самоутверждением в делах, в работе. В группе «Якутов» можно отметить, что при сохранении традиционной ориентации на групповые ценности, особенно стремления что-то делать ради других, снижены стремления к собственной независимости и самоутверждению.

Выводы

1. Проявления коллективизма-индивидуализма различным образом представлены в группах по этническому и нозологическому критериям.

2. Установлена выраженность тенденций коллективизма в группах «Алтайцев» и «Якутов», в остальных группах не отмечается явно выраженная ориентация на полюсы коллективизма-индивидуализма. Более «сглаженное» проявление индивидуализма-коллективизма в группах представителей Камчатки, относимых к группам «норма».

3. Вне зависимости от этнической принадлежности респонденты с проявлениями симптомов депрессии более ориентированы на взаимную зависимость людей друг от друга.

4. В этнических группах, не относящихся к клиническим группам, т. е. без признаков симптомов депрессии, проявления коллективизма-индивидуализма можно охарактеризовать двумя типами: первый – отсутствие явных предпочтений ценностей индивидуализма-коллективизма, т. е. гибкий вариант; второй – стремление к некоторой самостоятельности при отсутствии предпочтений ценностей самоутверждения и коллективизма.

5. В клинических этнических группах соотношение проявлений коллективизма-индивидуализма можно представить тремя типами: сохранение значимости ценностей, связанных с проявлениями горизонтального и вертикального коллективизма и нарастание тенденции стремления к самостоятельности; сохранение ценностей коллективизма, особенно вертикального коллективизма, и отсутствие стремления к самостоятельности и самоутверждению; при предпочтении ценностей коллективизма появление стремления к самостоятельности и самоутверждению в работе и делах.

6. Выявленные типы тенденций соотношения коллективизма-индивидуализма в клинических группах могут проявляться в виде ценностных конфликтов в системе факторов формирования депрессии у представителей этнических групп, что требует дальнейшего более углубленного анализа во взаимосвязи с другими данными, полученными в результате выполнения исследовательского проекта.

Литература

1. Бохан Н. А., Мандель А. И., Пешковская А. Г., Бохан Т. Г., Бадыргы И. О. Этнокультуральные особенности отношения к болезни и когнитивных дисфункций при алкоголизме в контексте предметного поля личностно-ориентированной психотерапии // Психотерапия. 2011. № 4(100). С. 49 – 55.

2. Бохан Н. А., Мандель А. И., Пешковская А. Г., Бохан Т. Г., Бадыргы И. О., Монгуш Ч. К. Этнокультуральные различия клинико-психологических взаимосвязей при алкогольной зависимости: возможности пиктографической идентификации // Психотерапия. 2011. № 9. С. 55 – 59.

3. Бохан Н. А., Терехина О. В., Танабасова У. В., Заикина М. Д. Этнопсихологические особенности когнитивных стратегий преодоления трудных жизненных ситуаций // Понять другого: межкультурное взаимопонимание в современном глобальном мире: сборник материалов конференции. Москва, МГППУ, 2015. С. 20 – 22.

4. Бохан Т. Г., Галажинская О. Н., Терехина О. В., Аксенов М. М., Мандель А. И., Семке А. В., Счастный Е. Д., Кургак Д. И., Матвеева Н. П., Бадыргы И. О., Санашева И. Д. Особенности проявления депрессии у представителей этнических групп Сибири // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2016. № 1(90). С. 86 – 92.

5. Жарова Е. И. Основные подходы к изучению индивидуализма-коллективизма в зарубежной психологии // Этнопсихология: вопросы теории и практики. 2010. № 3. Режим доступа: http://psyjournals.ru/ethnopsy-_teor/issue/40352_full.shtml (дата обращения: 01.12.2014).

6. Кригер Г. Н. Особенности структурно-содержательных характеристик этнического самосознания коренных малочисленных народом Сибири (на примере телеутского этноса): автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2005. 18 с.

7. Леон Ф., Калибацева З., Молчанова Е. Культура и депрессия: определение, диагностические сложности и рекомендации // Медицинская психология в России. 2012. № 6(17). Режим доступа: http://www.medpsy.ru/mprj/-archiv_global/2012_6_17/nomer/nomer03.php (дата обращения: 01.12.2014).

8. Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974. 172 с.

9. Татарко А. Н., Лебедева Н. М., Козлова М. А. Этническая идентичность и ценностные ориентации представителей традиционных культур в условиях модернизации общества // Журнал прикладной психологии. 2004. № 4 – 5. С. 120 – 128.

10. Эммонс Р. Психология высших устремлений. Мотивация и духовность личности. М.: Смысл, 2004. 416 с.

11. Aragone`s E, Pin˜ ol J. L., Labad A. The overdiagnosis of depression in non-depressed patients inprimary care. *Family Practice,* no. 23 (2006): 363 – 368.

12. Berry J. W. Ecology and individualism. In Kim U., Triandis H. C., Kagitcibasi C., Choi SC., Yoon G. *Individualism and collectivism: Theory, method and applications*. Newbury Park, Calif: Sage Press, 1994.

13. Hofstede G. *Culture's consequences*. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.

14. Kagitcibasi C. *A critical appraisal of individualism-collectivism: Toward a new formulation.* In Kim U., Triandis H. C., Kagitcibasi C., Choi SC., Yoon G. *Individualism and collectivism: Theory, method and applications*. Newbury Park, Calif: Sage Press, 1994, 52 – 65.

15. Keitner G. I., Miller I. W. Family Functioning and Major depression: An overview. *Am. J. of Psychiatry*, no. 147:9 (1990): 1128 – 1138.

16. Kim U., Triandis H. C., Kagitcibasi C., Choi S.-C., Yoon G. Individualism and collectivism: Theory, method, and applications. Newbury Park, CA: Sage, 1994.

17. Kirmayer L. Culture, context, and experience in psychiatric diagnosis. *Psychopathology*, no. 38 (2005): 192 – 196.

18. Kleinman A. *Culture and Depression: Studies in the Anthropology and Cross-cultural Psychiatry of Affect and Disorder*. University of California Press, 1985, 535.

19. Kleinman A., Good B. *Culture and depression*. Berkeley, CA: University of California Press, 1985.

20. Markus H. R., Kitayama S. Culture and self: Implications for cognition, emotion and motivation. *Psychological Review*, no. 17 (1991): 224 – 253.

21. Marsella A. J. Depressive experience and disorder across cultures. *Handbook of cross-cultural psychology: Psychopathology*. Boston, MA: Allyn & Bacon, vol. 6 (1980): 237 – 289.

22. Marsella A. J. The measurement of depressive experience and disorder across cultures. In A. J. Marsella, R. M. A. Hirschfeld & M. M. Katz (Eds.). *The measurement of depression*. New York: Guilford Press, 1987: 376 – 397.

23. Ryder A. G., Yang J., Zhu X., Yao S., Yi J., Heine S., Bagby R. M. The cultural shaping of depression: Somatic symptoms in China, psychological symptoms in North America? *Journal of Abnormal Psychology,* no. 117 (2008): 300 – 313.

24. Triandis H. C. Interpersonal relations in international organizations. *Organizational Behavior and Human Performance*, no. 2 (1967): 26 – 55.

MANIFESTATIONS OF COLLECTIVISM-INDIVIDUALISM IN THE CONTEXT OF ETHNOCULTURAL FACTORS OF DEPRESSION

***Tatiana G. Bokhan*[1, @1, *], *Olga V. Terekhina*[1, @2, *], *Nikolay A. Bokhan*[2, @3, *], *Aleksey V. Nemtsev*[1, *], *Oksana N. Galazhinskaya*[1, *], *Ursula V. Tanabasova*[1, @4, *]**

[1] *National Research Tomsk State University*, 34a, Lenina prospect, Tomsk, Russia, 634050
[2] *Mental Health Research Institute,* 4, Aleutskaya street, Tomsk, Russia, 634014
[@1] *btg960@sibmail.com*
[@2] *doterekhina@mail.ru*
[@3] *redo@mail.tomsknet.ru*
[@4] *u.tanabasova@mail.ru*

Received 07.06.2016.
Accepted 07.09.2016.

Keywords: cultural psychopathology, depression, psycho-social model, cultural validation, collectivism-individualism, the traditional peoples of Siberia, psycho-social factors.

Abstract: The article shows that the problem of hypo- and hyperdiagnostic of depression is related to the differences in its manifestations among representatives of different countries, as well as ethnic minorities living in the same country. This raises the issue of cultural validation of the depression symptoms. The values of collectivism-individualism as one of the dimensions of cultures that defines their differences, is associated with the possibilities of the formation of psychopathology. The article presents the results of the study of manifestation peculiarities of collectivism-individualism among the respondents of ethnic groups of Siberia in the context of studying the problems of depression factors. The questionnaire "Scale of individualism-collectivism" (Triandis H. C.) is used. The study features representatives of the ethnic groups of Siberia. The results revealed that the manifestations of collectivism-individualism are presented in different ways in groups according to ethnic and nosologic criteria; the preference values of collectivism in the group "Altai" and "Yakut" is marked, in the other groups no pronounced orientation towards the poles of collectivism-individualism is revealed; the respondents with the manifestations of the depression symptoms are more focused on the mutual dependence of people from each other regardless of the ethnicity, and they are characterized by three types of the ratio of intensity values of collectivism-individualism; respondents without depressive symptoms according to the criterion of collectivism-individualism are characterized by two types.

[*] *The study was supported by the RHSF grant no. 14-06-00113 "The impact of culture on the subjective experience of depression and the expression of its characteristics (on the example of representatives of the Siberian peoples)".*

For citation: Bokhan T. G., Terekhina O. V., Bokhan N. A., Nemtsev A. V., Galazhinskaya O. N., Tanabasova U. V. Proiavleniia kollektivizma-individualizma v kontekste problemy etnokul'tural'nykh faktorov depressii [Manifestations of collectivism-individualism in the context of ethnocultural factors of depression]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University,* 2016; (4): 126 – 133. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2016-4-126-133.

References

1. Bokhan N. A., Mandel' A. I., Peshkovskaia A. G., Bokhan T. G., Badyrgy I. O. Etnokul'tural'nye osobennosti otnosheniia k bolezni i kognitivnykh disfunktsii pri alkogolizme v kontekste predmetnogo polia lichnostno-orientirovannoi psikhoterapii [Ethnocultural features of the relation to illness and cognitive dysfunction in alcoholism in the context of the subject field of personality-oriented psychotherapy]. *Psikhoterapiia = Psychotherapy*, no. 4 (100) (2011): 49 – 55.

2. Bokhan N. A., Mandel' A. I., Peshkovskaia A. G., Bokhan T. G., Badyrgy I. O., Mongush Ch. K. Etnokul'tural'nye razlichiia kliniko-psikhologicheskikh vzaimosviazei pri alkogol'noi zavisimosti: vozmozhnosti piktograficheskoi identifikatsii [Ethnocultural differences in clinical and psychological relationships in alcohol dependence: the possibility of pictorial identification]. *Psikhoterapiia = Psychotherapy*, no. 9 (2011): 55 – 59.

3. Bokhan N. A., Terekhina O. V., Tanabasova U. V., Zaikina M. D. Etnopsikhologicheskie osobennosti kognitivnykh strategii preodoleniia trudnykh zhiznennykh situatsii [Ethnopsychological features of cognitive strategies to overcome difficult life situations]. *Poniat' drugogo: mezhkul'turnoe vzaimoponimanie v sovremennom global'nom mire: materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (20 – 21 noiabria 2015)* [Understanding an Other: cross-cultural understanding in the global world: Proc. V All-Russian Sc.-Prac. Conf. (November 20 – 21, 2015)]. Moscow, no. 1 (2015): 20 – 22.

4. Bokhan T. G., Galazhinskaia O. N., Terekhina O. V., Aksenov M. M., Mandel' A. I., Semke A. V., Schastnyi E. D., Kurgak D. I., Matveeva N. P., Badyrgy I. O., Sanasheva I. D. Osobennosti proiavleniia depressii u predstavitelei etnicheskikh grupp Sibiri [Features of manifestation of depression in representatives of ethnic groups of Siberia]. *Sibirskii vestnik psikhiatrii i narkologii = Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*, no. 1(90) (2016): 86 – 92.

5. Zharova E. I. Osnovnye podkhody k izucheniiu individualizma-kollektivizma v zarubezhnoi psikhologii [The main approaches to the study of individualism-collectivism in foreign psychology]. *Etnopsikhologiia: Voprosy Teorii i Praktiki = Ethnopsychology: Theory and Practice*, no. 3 (2010). Available at: http://psyjournals.ru/ethnopsy_teor/issue/40352_full.shtml (accessed 01.12.2014).

6. Kriger G. N. *Osobennosti strukturno-soderzhatel'nykh kharakteristik etnicheskogo samosoznaniia korennykh malochislennykh narodov Sibiri (na primere teleutskogo etnosa).* Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [Features of structurally-substantial characteristics of ethnic consciousness of indigenous peoples of Siberia (based on the Teleut ethnic group). Cand. psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Khabarovsk, 2005, 18.

7. Leon F., Kalibatseva Z., Molchanova E. Kul'tura i depressiia: opredelenie, diagnosticheskie slozhnosti i rekomendatsii [Culture and Depression: definition, diagnostic difficulties and recommendations]. *Meditsinskaia psikhologiia v Rossii = Medical Psychology in Russia,* no. 6(17) (2012). Available at: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2012_6_17/nomer/nomer03.php (accessed 01.12.2014).

8. Luriia A. R. *Ob istoricheskom razvitii poznavatel'nykh protsessov* [The historical development of cognitive processes]. Moscow, 1974, 172.

9. Tatarko A. N., Lebedeva N. M., Kozlova M. A. Etnicheskaia identichnost' i tsennostnye orientatsii predstavitelei traditsionnykh kul'tur v usloviiakh modernizatsii obshchestva [Ethnic identity and values of the representatives of traditional cultures in the conditions of modernization of the society]. *Zhurnal Prikladnoi Psikhologii = Journal of Applied Psychology*, no. 4-5 (2004):120 – 128.

10. Emmons R. *Psikhologiia vysshikh ustremlenii. Motivatsiia i dukhovnost' lichnosti* [Psychology of ultimate concerns: Motivation and spirituality in personality]. Moscow: Smysl, 2004, 416.

11. Aragone`s E, Pin˜ ol J. L., Labad A. The overdiagnosis of depression in non-depressed patients inprimary care. *Family Practice,* no. 23 (2006): 363 – 368.

12. Berry J. W. Ecology and individualism. In Kim U., Triandis H. C., Kagitcibasi C., Choi SC., Yoon G. *Individualism and collectivism: Theory, method and applications*. Newbury Park, Calif: Sage Press, 1994.

13. Hofstede G. *Culture's consequences*. Beverly Hills, CA: Sage, 1980.

14. Kagitcibasi C. *A critical appraisal of individualism-collectivism: Toward a new formulation.* In Kim U., Triandis H. C., Kagitcibasi C., Choi SC., Yoon G. *Individualism and collectivism: Theory, method and applications*. Newbury Park, Calif: Sage Press, 1994, 52 – 65.

15. Keitner G. I., Miller I. W. Family Functioning and Major depression: An overview. *Am. J. of Psychiatry*, no. 147:9 (1990): 1128 – 1138.

16. Kim U., Triandis H. C., Kagitcibasi C., Choi S.-C., Yoon G. Individualism and collectivism: Theory, method, and applications. Newbury Park, CA: Sage, 1994.

17. Kirmayer L. Culture, context, and experience in psychiatric diagnosis. *Psychopathology*, no. 38 (2005): 192 – 196.

18. Kleinman A. *Culture and Depression: Studies in the Anthropology and Cross-cultural Psychiatry of Affect and Disorder*. University of California Press, 1985, 535.

19. Kleinman A., Good B. *Culture and depression*. Berkeley, CA: University of California Press, 1985.

20. Markus H. R., Kitayama S. Culture and self: Implications for cognition, emotion and motivation. *Psychological Review*, no. 17 (1991): 224 – 253.

21. Marsella A. J. Depressive experience and disorder across cultures. *Handbook of cross-cultural psychology: Psychopathology*. Boston, MA: Allyn & Bacon, vol. 6 (1980): 237 – 289.

22. Marsella A. J. The measurement of depressive experience and disorder across cultures. In A. J. Marsella, R. M. A. Hirschfeld & M. M. Katz (Eds.). *The measurement of depression*. New York: Guilford Press, 1987: 376 – 397.

23. Ryder A. G., Yang J., Zhu X., Yao S., Yi J., Heine S., Bagby R. M. The cultural shaping of depression: Somatic symptoms in China, psychological symptoms in North America? *Journal of Abnormal Psychology,* no. 117 (2008): 300 – 313.

24. Triandis H. C. Interpersonal relations in international organizations. *Organizational Behavior and Human Performance*, no. 2 (1967): 26 – 55.